

ОДИССЕЙ

человек в истории

Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича

В этом номере:

Скандинавская мифология

История и литература

Историческая география

2025 №1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Исторический синтез
и научное наследие А.Я. Гуревича*

2025
№1

Москва
ИВИ РАН 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS Man in History

*Historical Synthesis
and the Scholarly Legacy of A. Ya. Gurevich*

2025
№1

Moscow
IWH RAS 2025

УДК 94

ББК 63.3(0)

О 42

Издание основано в 1989 году

А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.), Н.А.
БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь), О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А.
ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.; отв. ред.), О.В. ОКУНЕВА, М.Ю.
ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО, Л.П. РЕПИНА, Ж.-К.
ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук А.И. СИДОРОВ
кандидат исторических наук Н.А. СМЕРНОВА

Одиссей. Человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989.–

ISSN 1607-6184

2025. №1 (34): Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича / [гл. ред.
А.О. Чубарьян; отв. ред. С.И. Лучицкая]. - М.: ИВИ РАН, 2025. - 354 с.

Весь настоящий выпуск журнала «Одиссей. Человек в истории» посвящён материалам конференции, состоявшейся осенью 2024 г. и приуроченной к 100-летию со дня рождения выдающегося российского учёного, одного из ведущих представителей «новой исторической науки» XX века — А.Я. Гуревича. Тематика конференции охватывала широкий круг вопросов, связанных с творческим наследием учёного: от скандинавистики и социальной и культурной истории средневековой Европы до исторической теории и изучения самой истории исторического знания. Публикуемый том отражает богатство и многообразие научных интересов А.Я. Гуревича и демонстрирует жизнеспособность и актуальность созданного им направления — исторической антропологии.

Издание адресовано специалистам в области гуманитарных наук, студентам, а также всем, кто интересуется историей и современными подходами к её изучению.

© Коллектив авторов, 2025

© Лучицкая С.И., отв. ред. выпуска, 2025

© Институт всеобщей истории РАН, 2025

Оглавление

А.Я. Гуревич и Историческая Антропология

«Человек в истории»: гуманистические аспекты исследовательской парадигмы А.Я. Гуревича в работах 1970—2000-х гг. 9

Бычков П.С.

«Проблемы средневековой народной культуры» и полемика о смехе на Руси 28

Трахтенберг Л.А.

Исследования истории ереси и инквизиции как направление в современной историографии 51

Бакус Г.В.

Некоторые замечания о проблематике понятия «Другого» у А.Я. Гуревича и в современных общественных науках 81

Левинсон К.А.

Картины мира и стили мышления в средневековой Европе: постановка проблемы 95

Воскобойников О.С.

Скандинавская Мифология

Время древнескандинавской мифологии 123

Мельникова Е.А.

«Прядь о Торстейне Морозе»: инфернальное, страх и смех в отхожем месте (Эпоха викингов и Средневековый Восток) 145

Петрухин В.Я.

Древнеисландское «Видение Раннвейг» в контексте переводных скандинавских видений 161

Матюшина И.Г.

История и Литература

Средневековый мотив «адской охоты»: от ехемпла к новелле.....191
Стаф И.К.

«Книга путешествий» Джона Мандевиля и ее английские критики
 XVII в. 209
Тогоева О.И.

Николай Греч как русский Нодье? Эпизод из истории русско-фран-
 цузских литературных отношений 226
Мильчина В.А.

Из Истории Повседневной Жизни

Парижане под надзором полиции: деятельность секретных агентов
 во второй половине XVIII в. 243
Пименова Л.А.

Советские медиевисты в роли идеологов: Е.А. Косминский на посту
 главного редактора журнала «News» в 1952–1956 гг. 264
Шарова А.В.

Историческая География

Рождение *Норвегии* в географическом воображении допетровской
 России 301
Толстиков А.В.

Хроника Научной Жизни

Конференция, посвященная 100-летию А.Я. Гуревича, 30 октября
 — 1 ноября 2024 г., ИВИ РАН 335
Лучицкая С.И.

Об Авторах

Abstracts

Contents

A.Ya. Gurevitch and Historical Antropology 9

«Man in History»: Humanistic Aspects of the Research Paradigm of
A.Ya. Gurevich in His Works of the 1970—2000s
P.S. Bychkov 9

«Mediaeval Popular Culture» and the Discussion about Laughter in
Old Rus'
L.A. Trakhtenberg 28

Heresy and Inquisition Studies as a Trend in Recent Historiography
G.V. Bakus 51

Some Remarks on the Trajectories of the Concept of the «Other» in
the Humanities of the Late 20th century
K.A. Levinson 81

Worldviews and Styles of Thought in Medieval Europe: Framing the
Problem
O.S. Voskoboimikov 95

Old Norse Mythology 123

Time in the Old Norse Mythology
E.A. Mel'nikova 123

The Tale of «Thorsteinn the Frost»: Infernal, Fear and Laugh in the
Latrine (Viking Age and Medieval East)
V.Ya. Petrukhin 145

Leizla Rannveigar in the Context of Old Norse Translated Visions
I.G. Matyushina 161

History and Literature 191

The «Hell-Hunting» Motif: Exempla and Novella
I.K. Staf 191

The «Book of Travels» by John Mandeville and its English Critics of the 17 th century <i>O.I. Togoeva</i>	209
---	-----

Nikolai Grech as a russian Nodier? An Episode from the History of Russian-French Literary Relations <i>V.A. Milchina</i>	226
---	-----

From the History of Everyday Life 243

Parisians under Supervision: The Activities of Secret Police Agents in the Second Half of the 18 th Century <i>L.A. Pimenova</i>	243
--	-----

Soviet Medievalists as the Ideologists: E.A.Kosminski as Editor-in-Chief of «News» Magazine in 1952-1956s. <i>A.V. Sharova</i>	264
---	-----

Historical Geography 301

The Birth of 'Norway' in Pre-Petrine Russia's Geographical Imagination <i>A.V. Tolstikov</i>	301
---	-----

Chronicle of Sclary Life 335

The Conference in Honor of 100 th Anniversary of A.Ya. Gurevitch, Okt. 30 — Nov. 1, 2024. IWH RAS, Moscow <i>S.I. Luchitskaya</i>	335
---	-----

List of Authors 341

Abstracts 345

Средневековый мотив «адской охоты»: от exempla к новелле

Стаф И.К.

DOI: 10.32608/1607-6184-2025-34-1-9

Аннотация: В статье показана трансформация средневековых exempla, основанных на мотиве «адской охоты», в новелле *Декамерона* Боккаччо (V, 8). Проповедническая традиция в изображении загробной кары за женское прелюбодеяние дополнялась в Средние века серией куртуазных текстов, описывающих наказания для женщин, которые при жизни были жестоки к влюбленным. Совмещая элементы обеих нарративных традиций и дополняя их отсылками к *Комедии* Данте, Боккаччо выстраивает сложную систему аллюзий, благодаря которой церковная дидактика переключается в светский регистр литературной игры.

Ключевые слова: exemplum, новелла, «челядь Хеллекина», куртуазная традиция, *Декамерон*

Реконструируя средневековую ментальность, А.Я. Гуревич во многом опирался на проповеднические exempla, важнейший источник сведений о мире земном и загробном, о «макрокосме, каким он представлялся сознанию средневекового человека»¹. Эти «кирпичики», из которых строилась «культура в ее законченных созданиях»², переходя в XIV — XV вв. из сферы устного слова в сферу письменную, сыграли важную роль в становлении литературы раннего Нового времени. Сближаясь с другими короткими нарративными формами, прежде всего с новеллой (процесс этот особенно ха-

¹ Гуревич. 2006: 303.

² Гуревич. 2006: 295.

рактен для Италии³), подвергаясь переосмыслению и утрачивая присущее им «двоемирие»⁴, они не только служили неисчерпаемым источником сюжетов, но и определяли новые литературные структуры⁵. Общие характеристики этой эволюции неоднократно становились предметом исследования⁶; мы попытаемся показать процесс подобной трансформации *exemplum* на примере одной из новелл Боккаччо.

Герой новеллы 8 Пятого дня *Декамерона*, Настаджо дельи Оне-сти, влюбленный в девушку из семейства Траверсари, более родо-витую, чем он сам, гордую и надменную, страдает от неразделенной любви. Едва не растратив все свое состояние, он удаляется из Ра-венны в Кьясси и там на прогулке незаметно для себя забредает в рощу сосен-пиний (Pineta di Chiassi) — знаковое место, упомя-нутое Данте в *Чистилище* (*Purg.* XXVIII, 16 — 21). Данте среди этих пиний является видение прекрасной поющей женщины, Ма-тельды, предтечи Беатриче, символизирующей состояние человека до грехопадения. Настаджо тоже предстает видение — но видение жуткое: вместо пения он слышит «страшный плач и резкие вопли» (*grandissimo pianto e guai altissimi*) и видит бегущую по лесу

*... una bellissima giovane ignuda, scapigliata e tutta graffiata dalle frasche e da' pruni, piagnendo e gridando forte mercé; e oltre a questo le vide a' fianchi due grandi e fieri mastini, li quali duramente appresso correndole spesse volte crudelmente dove la giugnevano la mordevano; e dietro a lei vide venire sopra un corsier nero un cavalier bruno, forte nel viso crucciato, con uno stocco in mano, lei di morte con parole spaventevoli e villane minacciando*⁷.

... воспитательную обнаженную девушку с растрепанными волосами, исцарапанную ветвями и колючками, плакавшую и гром-ко просившую о пощаде. Помимо этого, он увидел по сторонам ее двух громадных свирепых псов, быстро за ней бежавших и часто и жестоко кусавших ее, когда они ее настигали, а за нею на во-

³ Delcorno. 1998: 149.

⁴ Bremond, *Le Goff*, Schmitt. 1982: 65; Гуревич. 2006: 299.

⁵ Так, Витторе Бранка считал *summae exemplorum* единственной средневе-ковой традицией, которая давала образцы систематизированной компиляции коротких рассказов и легла в основу структуры «Декамерона»: Branca, Degani. 1983 — 1984.

⁶ См., в частности: Casalé-Bérard. 1998; Labère. 2006.

⁷ Boccaccio. 1976: 504.

роном коне показался темный всадник, с лицом сильно разгневанным, со шпагой в руке, страшными и бранными словами грозивший ей смертью⁸.

Илл. 1: Сандро Боттичелли. Новелла о Настаджо дельи Онести (1483). Сцена 1. Музей Прадо, Мадрид.

Отметим в скобках еще одну реминисценцию из *Комедии*, эпитет «темный»: Данте отделяет от Мательды темная (bruna bruna) лесная речка (*Purg.*, XXVIII, 31).

Взору Настаджо предстает сцена т.н. «адской охоты». Этот древний языческий (германский и скандинавский) мотив, связанный изначально с богом Вотаном/Одином⁹, на протяжении Средних веков существовал в двух основных версиях. Первая — это различные варианты собственно «адской», или «дикой охоты» (фр. *chasse sauvage*, нем. *Wütendes Heer*, *Wilde Jagd*, англ. *Wild Hunt*, *Sleeping Army*): вереница привидений, конных охотников и псов, которые с адским грохотом бесконечно преследуют по воздуху неведомую дичь. Так, «Англосаксонская хроника» упоминает множество ночных охотников — черных, огромных, ужасных, верхом на черных конях или черных оленях, со сворой черных собак с большими глазами¹⁰. В христианской традиции это грешники, которые при жизни осквернили охотой часы, когда требовалось находиться в церкви, т.е. церковный праздник или время мессы. Иногда

⁸ Боккаччо. 1955: 344.

⁹ Lot. 1903; Bouet. 1994: 62; Lecouteux. 1997; Lombard-Jourdan. 2005: 211 — 232.

¹⁰ Lombard-Jourdan. 2005: 214.

это не охотники, а безмолвное призрачное воинство. Вторая версия того же мотива, встречающаяся уже в *Диалогах* Григория Великого (Двоеслова), впервые зафиксирована в развернутом виде (и представлена как реальный факт) в первой половине XII в., в *Церковной истории* Ордерика Виталия (VIII, 17), а также в *Деяниях английских королей* Вильяма Мальмсберийского (II, 205) и др. Это вереница блуждающих душ, обреченных возвращаться на землю и тащить на себе бремя своих грехов, иногда в буквальном смысле: пресвитер Валхелин у Ордерика Виталия видит, в частности, толпу пеших людей, что «потянулась мимо, неся на шеях и плечах скот, одежды, разнообразный скarb и домашнюю утварь, обыкновенно похищаемую разбойниками» (*Ecce ingens turba peditum pertransibat et pecudes ac vestes multimodamque suppellectilem et diversa utensilia quae praedones asportare solent super colla scapulasque suas ferebat*)¹¹. Охотников среди этих людей нет. У шествия всегда есть предводитель, зримый или незримый — Хеллекин (*Hellequin*, *Hennequin*, *Hannequin*), выходец из ада¹², предок Арлекина; грешников, следующих за ним, именовали «челядью» или «свитой Хеллекина» (*Mesnie Hellequin*). Интерес к древней легенде в XII в., безусловно, связан с проблемой локализации чистилища, которое могло размещаться как в загробном мире, так и на земле¹³.

Иначе говоря, канонический вариант «адской охоты» и «челяди Хеллекина» — это процессия грешных душ. Существует, однако, более узкая версия того же мотива, легенда об адском охотнике (дьяволе), всаднике со сворой собак, преследующем женщину¹⁴. Мотив этот сохранился в группе латинских *exempla* на один и тот же сюжет (Ф. Бариччи называет их «текстами-близнецами»¹⁵). Одна из первых его письменных фиксаций присутствует в *Диалоге о чудесах* цистерцианца Цезария Гейстербахского (XII, 20), в разделе «О вознаграждении мертвых» (*De praemio mortuorum*): речь идет о загробной каре за грех сладострастия, и дьявольский всадник преследует любовницу священника (*De roena concubinae cuiusdam sacerdotis quam diabolus venabatur*)¹⁶. Оттуда *exemplum* переходит

¹¹ *Orderic Vitalis*. 1973: 238 (рус. пер. см: *Вальтер Ман*. 2020: 202).

¹² О семантике имени см.: *Bouet*. 1994: 62; *Ueltschi*. 2010: 274 — 275. Любопытно, что Хеллекин мог отождествляться с королем Артуром (например, у Этьена де Бурбона); подробнее см.: *Ueltschi*. 2007.

¹³ См.: *Ле Гофф*. 2009: 219 след. и 362 след.

¹⁴ *Lecouteux*. 1997: 19.

¹⁵ *Baricci*. 2015: 438.

¹⁶ *Caesarius Heisterbachensis*. 1851: 330.

в другие сборники, в частности, в трактат *О самопознании* цистерцианца Элинанда из Фруамона, современника Цезария, в *Алфавит повествований* Арнольда Льежского и *Зерцало историческое* Винцента из Бове, в *Зерцало истинного покаяния* Якопо Пассаванти, современника Боккаччо, и далее — в *Небесную лестницу* Иоанна Гоби младшего и др. Текст Элинанда (*De cognitione sui*, XIII) считается наиболее вероятным источником новеллы Боккаччо¹⁷.

Благочестивому угольщику из Невера стало являться страшное видение:

*Ille nocte quadam cum vigilaret et custodiret fossam suam carbonificam incensam acriter; ecce quaedam femina nuda currens apparuit, et post eam eques quidam equo nigro insidens, evaginato glaudio velociter equitans, ut fugientem apprehenderet mulierem: quae dum fugiens fossam circumiret, compressa est ab eo, et perfossa glaudio, et facta est quasi mortua. Quam ille projecit in ignem et exustam, rursus extrahit, et posuit ante se super equum, et abiit*¹⁸.

Однажды ночью, когда он бодрствовал и стерег свою угольную яму, сильно разожженную, глядь — перед ним бежит некая нагая женщина, а за нею — всадник на черном коне, с обнаженным мечом быстро скачущий, чтобы нагнать убегающую женщину; и когда она огибала яму, он настиг ее и пронзил мечом, и сделалась она как мертвая. Он же вверг ее в огонь и обожженную снова извлек и положил пред собой на коня, и удалился¹⁹.

Угольщик рассказывает об увиденном графу Неверскому, тот присоединяется к нему и закликает всадника именем Господа объяснить, почему он так поступает. Всадник говорит, что женщина эта — знатная супруга некоего рыцаря, которого она убила, дабы свободнее предаваться любви с ним, всадником. Загробная кара, как и у Цезария, постигает прелюбодейку, к тому же еще и убийцу.

Exemplum Элинанда повествует о наказании за греховную, «безумную» любовь. Но в новелле Боккаччо всадник объясняет Настаджо, который (как и рыцарь — «воин», miles, у Цезария) вступается

¹⁷ Perrus. 1997; Sinicropi. 2023. *Зерцало* было составлено Якопо Пассаванти одновременно с *Декамероном*, поэтому вряд ли Боккаччо мог использовать его рукопись; однако он мог услышать этот пример в одной из проповедей Якопо.

¹⁸ Helinandus Frigidi Montis. 1855: 734.

¹⁹ Вальтер Ман. 2020: 212.

за девицу, что та претерпевает муки, ибо при жизни *отвергала* его, всадника, любовь и довела его до самоубийства. Божественная кара постигает «безжалостную красавицу» (и самого рыцаря — за лишение себя жизни). Мотив такой кары разрабатывается в целой группе средневековых куртуазных апологов. Впервые он возникает, по-видимому, в конце XII в., в трактате *О любви* Андрея Капеллана. Примерно тем же временем датируется анонимное бретонское *Лэ о скачке* (*Lai du Trot*, букв.: *Лэ о рыси* как конском аллюре); в XIII в. этот мотив встречается в прозаическом *Наставлении в любви* (*Il consais d'amours*) трувера Ришара де Фурниваля, позднее — в одном из каталонских *salut d'amor*, у Джона Гауэра и в *Сервентезе о боге Любви* (*Serventese del dio d'Amore*) начала XIV в., единственной сохранившейся итальянской версии сюжета²⁰. Структура всех этих текстов практически одинакова: герой отправляется в путешествие или на прогулку, и в лесу видит две или три женские кавалькады. В *Лэ о скачке* первая группа прекрасно одета и украшена цветами, радостно восседает на легконогих конях; каждую даму сопровождает столь же приятный кавалер. Вторую же, напротив, образуют жалкие одинокие женщины в уродливых коротких одеждах, босые и стенающие; лошади их скачут нестерпимо тряской рысью:

Molt estoient en grief torment

E trotoient si durement

Qu'il n'a el mont sage ne sot

Oui peüst soffrir si dur trot

Une lieueté seulement

*Por .xv. mile mars d'argent*²¹.

*Они жестоко страдали / И ехали такой мучительной рысью,
/ Что ни один мужчина, мудрый или глупый, / Не вытерпел бы
столь тяжелой рыси / Даже одно лье / За 15 тысяч серебряных
марок.*

Последняя из дам, у которой от тряски ужасно стучат зубы

²⁰См.: Baricci. 2015.

²¹*Le Trot*. 2018: 904.

(«... si dent / Ensemble si s'entrehurtoient »²²), поясняет герою, рыцарю короля Артура по имени Лоруа, что радостные всадники верно служили Амуру, а мученицы, в том числе она, в гордыне своей Амура отвергали, заставляя терзаться тех, кто был в них влюблен.

Однако загробная кара «безжалостных красавиц» во всех случаях предстает в виде кавалькады, процессии, а не одиночного возмездия: в *Лэ о скачке* колонна грешниц насчитывает около сотни женщин. Иначе говоря, речь идет о куртуазной версии «челяди Хеллекина». Кроме того, дам никто не преследует: страдания им доставляют лошади (одно из традиционных облиций дьявола) и седла, либо набитые соломой, как в *Лэ*, либо утыканные шипами. Отметим, что в процессии, описанной Ордериком Виталием, присутствует и кавалькада прелюбодеек, из седел которых торчат раскаленные гвозди — прямая параллель к куртуазной версии сюжета.

Таким образом, в новелле Боккаччо соединяются две повествовательные традиции, религиозная (проповедническая) и куртуазная. Хитроумный Настаджо, пользуясь тем, что видение повторяется в Pineta di Chiassi каждую пятницу, приглашает возлюбленную и ее родню на роскошный обед в лесу, то есть превращает ужасное зрелище в назидательный спектакль. По действительности этот спектакль не уступает, а то и превосходит *exemplum*: неприступная дочь Паоло Траверсари немедленно соглашается на брак с ним, а «все другие жестокосердые равеннские дамы так напугались, что с тех пор стали снисходить к желаниям мужчин гораздо более прежнего»²³.

Спектакль-*exemplum* Настаджо двойственен, он балансирует на грани святотатства, однако элементы этой двойственности заложены в самом видении. Всадник и отвергнувшая его девица терпят «адские муки». Рыцарь — самоубийца, то есть повинен в грехе отчаяния и уныния (*acedia*) и в любовном безумии²⁴; Данте в *Комедии*, источнике бесчисленных реминисценций *Декамерона*, помещает Лес самоубийц в седьмой круг ада. Но муки и рыцаря, и его жестокосердой возлюбленной временны: ему суждено «преследовать ее столько лет, сколько месяцев она была жестока со мной». Следо-

²² *Le Trot*. 2018: 906.

²³ Боккаччо. 1955: 347.

²⁴ О самоубийствах в средневековой литературе и их связи с безумием см., например, *Schmitt*. 1976: 17 — 18.

вательно, оба пребывают в чистилище. В облике гневного всадника у Боккаччо, в отличие от *exemplum* Цезария Гейстербахского, Элинанда из Фруамона или Якопо Пассаванти, у которого и всадник, и конь извергают изо рта, глаз и ноздрей пламя («... della bocca, e degli occhi, e del naso del cavaliere e del cavallo usciva una fiamma di fuoco ardente»²⁵), нет ничего дьявольского — из всего арсенала адского охотника Боккаччо сохраняет лишь черного коня.

Напротив, один элемент женского облика, на наш взгляд, заслуживает внимания. Девушка в *Декамероне* нагая и растрепанная (*scapigliata*). Можно было бы счесть это уточнение «реалистической» деталью: действительно, тело бегущей красавицы исцарапано ветками и шипами, и сохранить прическу в подобной ситуации сложно. У Элинанда эта подробность отсутствует. Зато Якопо Пассаванти, прямо ссылающийся на цистерцианца, описывает женщину как растрепанную (*in-scapigliata*), и не случайно:

*... correndo intorno alla fossa fu sopraggiunta dal cavaliere, che dietro le correva: la quale traendo guai, presa per li svolazzanti capelli, crudelmente la ferì per lo mezzo del petto col coltello che tenea in mano. E, cadendo in terra, con molto spargimento di sangue sì la riprese per li insanguinati capelli, e gittolla nella fossa de' carboni ardenti...*²⁶

... когда обегала она яму, настиг ее всадник, скакавший следом, и под жалобные крики ее схватил ее за развевающиеся волосы и жестоко всадил ей прямо в грудь нож, который держал в руке. Упала она на землю, обливаясь кровью, а он вновь схватил ее за окровавленные волосы и швырнул в яму с горящими углями...

Еще более важен мотив волос у Цезария Гейстербахского. Рыцарь (*miles*), заслышав приближение дьявольского охотника, хочет спасти прелюбодейку, очертив мечом на земле круг и заслонив ее собой; дьявол хватает женщину, рыцарь пытается удержать ее за волосы, однако всадник вырывает ее и уносит, оставив шевелюру в руке неудачливого заступника («*tandem ruptis capillis effugit*»). Рыцарь, вернувшись в город, рассказывает об увиденном и показывает волосы; когда же вскрывают могилу женщины, то обнаруживают, что она «потеряла волосы» («*aperto sepulchro feminam capillos suos*

²⁵ *Iacopo Passavanti*. 1863: 47.

²⁶ *Iacopo Passavanti*. 1983: 47.

perdidisse repererunt»)²⁷.

Простоволосая женщина в средневековой иконографии чаще всего обозначала грех сладострастия. «Общая черта образов Сладострастия — длинные распущенные волосы, которые, по-видимому, имеют то же символическое значение, что и нагота: на первых изображениях Сладострастия представлена женщина в ее изначальной порочности, нагая, с развевающимися волосами...»²⁸. У Вильяма Мальмсберийского некий римлянин, наблюдающий «челядь Хеллекина», видит среди грешных душ «женщину, разубранную, как блудница, едущую на мулице; распущенные кудри реяли по плечам»²⁹. Но существовала и еще одна традиция, связывавшая встрепанные волосы с дьявольской сущностью. Анн Ломбар-Журдан справедливо обращает внимание на вздыбленные «прически» демонов, украшающих, например, капители соборов Везле и Отёна, — так называемые «hurepiaux», от старофранцузского глагола «hurerer» (лохматить)³⁰.

²⁷ *Caesarius Heisterbachensis*. 1851: 330

²⁸ *Lévy-Gires*. 2004.

²⁹ *Вальтер Ман*. 2020: 207. Мотив наготы у Вильгельма также присутствует: блудница «по тонкости одежд почти нагая».

³⁰ *Lombard-Jourdan*. 2005: 227 — 229.

Илл. 2: Капитель базилики св. Марии Магдалины в Везле

На одной из капителей XII в. церкви святого Андохия, великомученика галльского, изображен юноша, собравшийся последовать за «herlequine», орудием дьявола, которая танцует нагой и увенчана *hugériau*³¹. Иными словами, растрепанные волосы, характерный признак блудницы у Цезаря, Элинанда или Якопо Пассаванти, превращают безжалостную красавицу Боккаччо (повинную отнюдь не в сладострастии, но в жестокосердии) в дьявольское отродье. Религиозная парадигма оказывается зеркально перевернутой, превращаясь в парадигму куртуазную. Поэтому и видение явлено Настаджо не глубокой ночью, как во всех рассмотренных *exempla*, а в майский полдень, в пятницу: май — традиционный месяц любви, топос куртуазной лирики; пятница — Венерин день; «полдень — тоже час таинств: именно в полдень охотник Актеон в »Метаморфозах» Овидия застаёт врасплох Диану»³².

Обращает на себя внимание еще одна деталь боккаччиевского видения. Настаджо видит двух больших свирепых псов (*due grandi e fieri mastini*), которые бегут за девицей, кусают ее и наконец хва-

³¹ *Lombard-Jourdan*. 2005: 228.

³² *Perrus*. 1997: 130.

тают. Mastino — одна из самых крупных охотничьих пород, предок современного мастифа; таких псов использовали в Средние века для охоты на крупную дичь — кабанов, медведей, оленей. Однако в ехемпра, считающихся наиболее вероятными источниками новеллы, псов нет. У Элинанда и Якопо Пассаванти мы видим только всадника, женщину и свидетеля страшного чуда. Неизменным оказывается лишь дьявольский конь, устойчивый облик демона³³. Псы упомянуты только у Цезария Гейстербахского, где рыцарь-защитник и прелюбодейка в ужасе слышат рог дьявольского охотника и «лай охотничьих собак» (*latratus canum venaticorum*), но в действии собаки никак не участвуют. В куртуазных процессиях страждущих в загробном мире бессердечных дам псы также отсутствуют, мучения причиняют именно кони. Откуда же берутся собаки в новелле — при том что они не только играют немаловажную роль в самом рассказе, но даже вынесены в его краткое содержание³⁴? Наконец, почему речь идет не об охотничьей своре, как у Цезария, Овидия в мифе об Актеоне или в древних легендах об «адской охоте», но именно о двух «громадных свирепых псах»?

В песни XIII *Ада* Данте, в Седьмом кругу с его Лесом самоубийц, терпят муки души игроков и мотов, в том числе сиенца Лано и богатого падунца Джакомо да Сант-Андреа. Данте и Вергилий наблюдают сцену «адской охоты», которую ведут на этих несчастных псы — без всадника, ибо это его владения, а не земной мир:

... quando noi fummo d'un romor sorpresi,

similmente a colui che venire

sente 'l porco e la caccia a la sua posta,

ch'ode le bestie, e le frasche stormire.

Ed ecco due da la sinistra costa,

nudi e graffiati, fuggendo sì forte,

³³Ср. у Элинанда (*О самопознании*, XII): «Из сего явствует, что это за кони, на которых иногда видятся скачущими души мертвых. Это демоны, преобразующие себя в коней, а всадники их — злополучнейшие души, грехами отягощенные. . . » (*Вальтер Ман*. 2020: 212).

³⁴Настаждо «видит, как один всадник преследует девушку, убивает ее и два пса ее пожирают» (*Боккаччо*. 1955: 343).

che de la selva rompieno ogne rosta. <...>

Di dietro a loro era la selva piena

di nere cagne, bramose e correnti

come veltri ch'uscisser di catena.

In quel che s'appiattò miser li denti,

e quel dilaceraro a brano a brano;

poi sen portar quelle membra dolenti. (Inferno, XIII, 111 — 129)

... Но услышали шум в лесу дремучем,

Как на облаве внемлет зверолов,

Что мчится вепрь и вслед за ним борзые,

И слышит хруст растоптанных кустов.

И вот бегут, левее нас, нагие,

Истерзанные двое, меж ветвей,

Ломая грудью заросли тугие <...>

А сзади лес был полон черных сук,

Голодных и бегущих без оглядки,

Как гончие, когда их спустят вдруг.

В упавшего, всей силой жадной хватки,

Они впились зубами на лету

И растащили бедные остатки. (пер. М.Л. Лозинского)

Свора загробных жадных «черных сук» преследует и пожирает упавшего Джакомо да Сант-Андреа. Однако эти охотничьи суки, подобные гончим или борзым, мало напоминают псов Бок-каччо. Псы в *Декамероне* не черные, не адские; а главное, *mastini*

ведут себя именно как выдрессированные охотничьи псы: не рвут сами пойманного «зверя», но удерживают его, пока не спешится и не приблизится охотник.

Илл. 3: Сандро Боттичелли. Новелла о Настаджо дельи Онести (1483). Сцена 2. Музей Прадо, Мадрид.

Темный рыцарь-самоубийца, двойник (недаром его зовут Гвидо дельи Анастаджи) и земляк Настаджо, также действует как «земной» охотник. Он не только пронзает женщину, как у Цезария или Элинанда, но и потрошит ее ножом, извлекая жестокое сердце и прочие внутренности:

*... il cavaliere, messo mano a un coltello, quella aprì nelle reni, e fuori trattone il cuore e ogni altra cosa da torno, a' due mastini il gittò, li quali affamatissimi incontanente il mangiarono*³⁵.

*... Рыцарь, выхватив нож, вскрыл ей чресла и, вынув сердце и все, что было вокруг, бросил собакам, которые, страшно голодные, все это тотчас же сожрали*³⁶.

Подробность эта не встречается ни в одном из *exempla*. По-видимому, она отсылает (зеркально) к легенде о съеденном сердце из *vida* трубадура Гильома де Кабестаня, которая легла в основу новеллы 9 Четвертого дня. Таким образом, перед нами еще одна аллюзия на *Комедию*, но, как и в случае с *Pineta di Chiassi*, аллю-

³⁵ *Воссассио*. 1976: 506.

³⁶ *Боккаччо*. 1955: 346.

зия «перевернутая»: два грешника-мота превращаются в двух псов, а адская кара — в «реалистическую» (если не считать того, что дичью служит женщина) сцену охоты. Двойственность (и «литературность») псов точно уловил Боттичелли в знаменитой серии картин по мотивам боккаччиевской новеллы: вместо mastini у него изображены две гончих, белая и черная. Ибо псы в этой изысканной и насыщенной литературной игре служат своеобразной точкой бифуркации — или рефракции, если мы говорим о зеркале, — в которой загробное видение, благодаря узнаваемым поэтическим аллюзиям, переключается в светскую, куртуазную парадигму, а *exemplum* превращается в новеллу Пятого дня, когда рассказчики «под председательством Фьямметты рассуждают о том, как после разных печальных и несчастных происшествий влюбленным приключалось счастье»³⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Боккаччо Дж. Декамерон / Пер. А.Н. Веселовского. М., 1955.

Вальтер Ман. Забавы придворных / Изд. подготовил Р.Л. Шмаков. СПб., 2020.

Boccaccio G. Tutte le opere / A cura di V. Branca. T. IV, Decameron. Milano, 1976.

Caesarius Heisterbachensis. Dialogus miraculorum / Ed. J. Strange T. 2. Coloniae; Bonnae; Bruxellis, 1851.

Helinandus Frigidi Montis. Opera omnia // Patrologia latina / Accurante J.-P. Migne. T. CCXII. Paris, 1855.

Iacopo Passavanti. Lo Specchio della vera penitenza. / Ed. F.-L. Polidori. Firenze, 1863.

Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History. Vol. IV, Books VII and VIII. Oxford, 1973.

Le Trot // *Lais du Moyen Âge. Récits de Marie de France et d'autres auteurs (XIIe — XIIIe siècle)* / Éd. sous la dir. de Ph. Walter.

³⁷ *Боккаччо.* 1955: 303.

Р., 2018. Р. 896-911.

ЛИТЕРАТУРА

Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников // Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб., 2006. С. 287-526.

Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища. Екатеринбург; М., 2009.

Baricci F. Dal *Serventese del dio d'Amore* a Nastagio degli Onesti. La punizione dell'amore negato nel Medioevo romanzo // Boccaccio letterato. Atti del convegno internazionale, Firenze, 10-12 ottobre 2013 / A cura di M. Marchiari e S. Zamponi. Firenze, 2015. P. 437-451.

Bouet P. La «Mesnie Hellequin» dans l'*Historia Ecclesiastica* d'Ordéric Vital // Mélanges François Kerlouégan / Sous la dir. de D. Conso, N. Fick, R. Poulle. Besançon, 1994. P. 61-78

Branca V., Degani C. Studi sugli exempla e il *Decameron*. Premessa. I Riflessi quasi sconosciuti di esempla nel *Decameron* // Studi sul Boccaccio. 1983-1984. № 14. P. 178-208

Bremond Cl., Le Goff J., Schmitt J.-Cl. L'«exemplum». Turnhout, 1982.

Casalé-Bérard C. L'*exemplum* médiéval est-il un genre littéraire ? II. — L'*exemplum* et la nouvelle // Les exempla médiévaux. Nouvelles perspectives / Publ. par J. Berlioz et M.-A. Polo de Beaulieu. Paris, 1998. P. 29-42.

Delcorno C. Pour une histoire de l'exemplum en Italie // Les *Exempla* médiévaux : Nouvelles perspectives / Ed. J. Berlioz, M.-A. Polo de Beaulieu. Paris, 1998. P. 147 — 176.

Labère N. « Défricher le jeune plant ». Étude du genre de la nouvelle au Moyen Âge. Paris, 2006.

Lecco M. Il *Lai del Trotto* (*Lai du Trot*), con uno studio sulla tradizione del motivo. Genova, 2017.

Lecouteux C. Chasse sauvage/Armée furieuse // Le mythe de la

chasse sauvage dans l'Europe médiévale / Ed. Ph. Walter. Paris, 1997. P. 13-32.

Lévy-Gires N. Se coiffer au Moyen Âge ou l'impossible pudeur // La chevelure dans la littérature et l'art du Moyen Âge / Éd. Ch. Connochie-Bourgne. Presses universitaires de Provence, 2004. P. 279-290. URL: <https://books.openedition.org/pup/4214>.

Lombard-Jourdan A. Aux origines de Carnaval. Un dieu gaulois ancêtre des rois de France. Paris, 2005.

Lot F. La Mesnie Hellequin et le comte Ernequin de Boulogne // Romania. Vol. 32, 1903. P. 422-441.

Perrus Ch. La «chasse infernale»: des exempla à la nouvelle V, 8 du *Décameron* // Le mythe de la chasse sauvage dans l'Europe médiévale / Ed. Ph. Walter. Paris, 1997. P. 125-139.

Schmitt J.-Cl. Le suicide au Moyen Âge // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 31e année, 1976. N° 1. P. 3-28.

Sinicropi G. La cagna, la mula, la menade e Nastagio degli Onesti // Sinicropi G. Scritti Critici / Ed. A. Bianchini e S.U. Baldassari. Vol. I. Firenze, 2023. P. 173-219.

Ueltschi K. Hellequin sous le masque // Revue des langues romanes. Vol. CXIV, année 2010/2. P. 273-286.

Ueltschi K. Le Premier Roi ou le Fils Méhaignié. À propos d'Arthur, d'Hellequin et des Plantagenêts // Lignes et lignages dans la littérature arthurienne / Sous la dir. de Chr. Ferlampin-Acher et D. Huë. Rennes, 2007. P. 165-177.

REFERENCES

Baricci F. Dal Serventese del dio d'Amore a Nastagio degli Onesti. La punizione dell'amore negato nel Medioevo romanzo // Boccaccio letterato. Atti del convegno internazionale, Firenze, 10 — 12 ottobre 2013 / A cura di M. Marchiaro e S. Zamponi. Firenze, 2015. P. 437 — 451.

Bouet P. La «Mesnie Hellequin» dans l'*Historia Ecclesiastica d'Or-*

déric Vital // *Mélanges François Kerlouégan* / Sous la dir. de D. Conso, N. Fick, R. Poulle. Besançon, 1994. P. 61 — 78.

Branca V., Degani C. Studi sugli exempla e il Decameron. Premessa. I Riflessi quasi sconosciuti di esempla nel Decameron // *Studi sul Boccaccio*. 1983 — 1984. № 14. P. 178 — 208.

Bremond Cl., Le Goff J., Schmitt J.-Cl. L'«exemplum». Turnhout, 1982.

Casalé-Bérard C. L'exemplum médiéval est-il un genre littéraire ? II. — L'exemplum et la nouvelle // *Les exempla médiévaux. Nouvelles perspectives* / Publ. par J. Berlioz et M.-A. Polo de Beaulieu. P., 1998. P. 29 — 42.

Delcorno C. Pour une histoire de l'exemplum en Italie // *Les Exempla médiévaux: Nouvelles perspectives* / Ed. J. Berlioz, M.-A. Polo de Beaulieu. P., 1998. P. 147 — 176.

Gurevich A. Y. Kul'tura i obshchestvo srednevekovej Evropy glazami sovremennikov // *Gurevich A. Y. Izbrannye trudy. Kul'tura srednevekovej Evropy*. SPb., 2006.

Labère N. «Défricher le jeune plant». Étude du genre de la nouvelle au Moyen Âge. P., 2006.

Lecco M. Il Lai del Trotto (Lai du Trot), con uno studio sulla tradizione del motivo. Genova, 2017.

Lecouteux C. Chasse sauvage/Armée furieuse // *Le mythe de la chasse sauvage dans l'Europe médiévale* / Ed. Ph. Walter. P., 1997. P. 13 — 32.

Le Goff Zh. Rozhdenie Chistilishcha. Ekaterinburg; M., 2009.

Lévy-Gires N. Se coiffer au Moyen Âge ou l'impossible pudeur // *La chevelure dans la littérature et l'art du Moyen Âge* / Éd. Ch. Connochie-Bourgne. Presses universitaires de Provence, 2004. P. 279 — 290. URL: <https://books.openedition.org/pup/4214>.

Lombard-Jourdan A. Aux origines de Carnaval. Un dieu gaulois ancêtre des rois de France. P., 2005.

Lot F. La Mesnie Hellequin et le comte Ernequin de Boulogne // Romania. 1903. Vol. 32. P. 422 — 441.

Perrus Ch. La «chasse infernale»: des exempla à la nouvelle V, 8 du Décaméron // Le mythe de la chasse sauvage dans l'Europe médiévale / Ed. Ph. Walter. P., 1997. P. 125 — 139.

Schmitt J.-Cl. Le suicide au Moyen Âge // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 31e année. 1976. N° 1. P. 3 — 28.

Sinicropi G. La cagna, la mula, la menade e Nastagio degli Onesti // Sinicropi G. Scritti Critici / Ed. A. Bianchini e S.U. Baldassari. Vol. I. Firenze, 2023. P. 173 — 219.

Ueltschi K. Hellequin sous le masque // Revue des langues romanes. Vol. CXIV, année 2010/2. P. 273 — 286.

Ueltschi K. Le Premier Roi ou le Fils Méhaignié. À propos d'Arthur, d'Hellequin et des Plantagenêts // Lignes et lignages dans la littérature arthurienne / Sous la dir. de Chr. Ferlampin-Acher et D. Huë. Rennes, 2007. P. 165 — 177.